

СУДЬБА ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В АНТИУТОПИИ МАРГАРЕТ ЭТВУД «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

Е. П. Жаркова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 октября 2014 г.

Аннотация: отраженная в названии статьи проблема вписывает антиутопию Маргарет Этвуд, современной канадской писательницы, в общий контекст проблематики, характерной для антиутопии – судьбы человеческого начала в тоталитарном государстве. Роман Этвуд сопоставляется с образцами классических антиутопий, где также ставится проблема семейных, сексуальных отношений, продолжения рода, но героями выступают мужчины, и это определяет специфику конфликта. В статье детально прослеживаются отраженные в романе аспекты подавления женщин, извращение понятий материнства и деторождения.

Ключевые слова: антиутопия, канадская литература, женское начало, материнство, деторождение, семья, тоталитарное государство.

Abstract: the problem reflected in the title of the article puts the dystopia written by Margaret Atwood, a contemporary Canadian writer, in the overall context of the problems characteristic of dystopia, the fate of the human basis in a totalitarian state. Atwood's novel is compared with the examples of classic dystopia, which also raise the problem of family, sexual relationships and procreation, but heroes in them are men, and it determines the specificity of the conflict. The article traces in detail the aspects of women's oppression, the perversion of the concepts of maternity and child-bearing reflected in the novel.

Key words: dystopia, Canadian literature, feminine, maternity, child-bearing, family, totalitarian state.

Маргарет Этвуд (род. 1939) – прозаик, поэт, критик – достойно представляет англоязычную канадскую литературу наших дней. К числу ее наиболее известных произведений относится антиутопия «Рассказ Служанки» (1985). Будучи феминисткой по своим убеждениям, писательница связывает представления о мрачном будущем с изображением трагической судьбы женщин в вымышленном тоталитарном государстве Галаад.

Повествование ведется от лица так называемой Служанки, чья функция в новом режиме сводится к вынашиванию детей для семейных пар правящего класса, большей частью страдающих бесплодием. Назначение в эти семьи «Служанки» получают, пройдя физическую и психологическую подготовку к их будущей роли в так называемом «Красном центре». Настоящее имя героини так и остается неизвестным, в романе же она фигурирует под именем Фредова (в оригинале – Offred), что указывает на ее принадлежность «хозяину», в семью которого она попадает.

В романе описывается ее третье и последнее назначение – в семью Командора, одного из лиц, стоящих у руля политической системы тоталитарного режима. Если ей и на этот раз не удастся забеременеть и родить здорового ребенка, Фредова рискует отправиться в Колонии – окраинные районы

страны, подвергшиеся радиоактивному загрязнению, где утратившие способность к деторождению женщины вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом.

Пребывание Фредовой в доме Командора подчинено системе формальностей, которые затрагивают абсолютно все стороны ее существования. За исключением коротких прогулок за покупками под неусыпным надзором другой служанки, оно протекает в маленькой комнате, лишенной каких бы то ни было индивидуальных черт. Героиня вынуждена одеваться в обязательную униформу, красный цвет которой призван подчеркивать ее детородную функцию. Интересам возможного ребенка подчинен и ее режим, и ее питание, и ее образ жизни. Однако самое унижающее в ее положении – ежемесячная «церемония», извращенный ритуал, в ходе которого Командор пытается «оплодотворить» Фредову в присутствии собственной жены.

Ирония судьбы заключается в том, что сам Командор столь же бесплоден, как и его жена. Единственный шанс выжить для Фредовой – вступить в близкие отношения с кем-то, от кого она сможет зачать ребенка. Жена Командора сводит ее с шофером Ником. Однако между служанкой и шофером возникают подлинные чувства, и Ник, оказавшийся участником Сопротивления, в конце романа пытается спасти свою возлюбленную и мать будущего ребенка от неминуемой гибели.

Неизвестно, становится ли эта попытка освобождения удачной, поскольку роман заканчивается так называемым «Комментарием историка», из которого мы узнаем, что события, происходящие в романе, восстановлены на основании магнитофонных записей, обнаруженных на кассетах где-то в границах территории бывшего Галаада. Следовательно, героиня, еще не покинувшая пределов теократии, могла стать объектом преследования для властей и после того, как ей удалось сделать эти записи.

Для романа характерно сосуществование в сознании героини, а следовательно, и в повествовании различных временных пластов: рассказ о жизни в условиях тоталитарного государства перемежается воспоминаниями Фредовой о прошлом, которые подвергаются рефлексии и реконструкции.

Отличительная особенность романа-антиутопии Этвуд – смещение акцентов с общественной жизни человека на глубоко личные, внутренние сферы, сферы семейной жизни и рождения детей. Семейная проблематика, сфера любви и сексуальных отношений характерна и для предшествующих антиутопий. «Прогрессивность антиутопического героя, – пишет Б. Ланин, – в его консервативной привязанности к семейным узам. Судьбы мира и человечества оказывается невозможным отделить от судеб семьи» [1, 150]. Как далее отмечает исследователь, семья оказывается «своеобразной мерой гуманизма, основой для смелого взгляда в будущее, а также своего рода «провоцирующим прогнозом». Она интересна как результат моделирования реальности и как нетрадиционный взгляд на самые, казалось бы, привычные установления нашей жизни» [1, 150]. Поскольку, утверждает Ю. Кагарлицкий, «такая важная форма выявления личности, как любовь, не может остаться прежней в обществе подобного типа», в антиутопических романах изображались различные модели половых отношений: «В романе Хаксли женщины принадлежат всем, и близость между полами обязательна, высшая похвала женщине — сказать, что она «пневматична». В романе Оруэлла, напротив, установлено строгое единобрачие, причем удовольствие, получаемое в браке, считается чем-то греховным и недопустимым. Формы регламентации могут быть разные. Важно одно – подавить личность» [2, 298].

Однако в более ранних антиутопиях главными героями неизменно оказывались мужчины, Этвуд же строит повествование от лица женщины. Таким образом, по мнению К. Стивенсон, ей удается «одомашнить» тоталитаризм (букв. *domesticate*), в результате чего «государство становится еще более пугающим, поскольку его чудовищность кажется привычно абсурдной и абсолютно нормальной» [3, 81].

На первый взгляд, именно семья и семейные (в некотором смысле, пуританские) ценности находятся в сфере интересов государственных деятелей Галаада. Эти патриархальные ценности подтверж-

даются авторитетом Ветхого Завета и противопоставляются распущенности и сексуальной вседозволенности в живописных картинах «до-галаадской» жизни: «В парке, говорила Тетка Лидия, валялись на одеялах, иногда вместе мужчины и женщины, – и тут она принималась рыдать, стояла перед нами и рыдала у нас на глазах» [4, 65]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что семья в государстве Этвуд несет чисто формальную функцию и становится еще одной тюрьмой как для женщин, так и для мужчин. Свадьба становится общественным долгом, рождение ребенка – статусным повышением. Когда Командор, все больше разуверываясь в создаваемом им «патриархальном рае», спрашивает у Фредовой, «что же они не учли», ответ ей очевиден: тоталитарная семья как еще одна ячейка «общества несвободы» не знает любви [4, 247]. В ней все подчинено не частному, но общему – государственному долгу воспроизводства. Новые, подрастающие граждане Галаада столь же обусловлены социальной ролью и воспитанием, как и их родители. Все они – и родители, и дети (даже в тех редких случаях, когда понятие биологического и формального, признаваемого государственным авторитетом, родства на самом деле совпадает) – отчуждены друг от друга.

В подобных условиях само человеческое тело, играющее важную роль в самоидентификации, становится обезличенным. Героиня романа – «ходячая утроба», поскольку ее роль сведена лишь к деторождению. Руки и ноги более не нужны служанкам, как и лицо, за которым не разрешается ухаживать, чтобы не выглядеть слишком привлекательной. В подобных условиях сама героиня воспринимает свое тело как объект насилия, с которым она не хочет отождествлять себя: «Я стараюсь не смотреть на свое тело – не потому, что оно постыдно или нескромно, но потому, что не хочу его видеть. Не хочу смотреть на то, что так всецело меня определяет» [4, 73].

Ключевой проблемой, отражающей судьбу человеческого начала в романе Этвуд, становится проблема деторождения и, в первую очередь, материнства. Хотя предшествующие антиутопии, так или иначе, и затрагивали этот вопрос и воспроизводили различные модели появления потомства и отношений между родителями и детьми, сама коллизия редко становилась темой глубоко личного осмысления персонажами уже в силу того, что носителями сознания в них выступали главным образом мужчины.

Так, в антиутопии Замятина, где деторождение подчинялось строгим правилам «детоводства», «материнской и отцовской нормам», текст передает сознание героя-мужчины, не способного осознать сущность материнства и воспринимающего его лишь опосредованно. Признание О в ее желании родить от Д-503 ребенка или хотя бы на мгновение почувствовать в себе зарождение новой жизни и ее

дальнейшая беременность вызывают в нем логичные эмоции – желание принять участие в судьбе собственного ребенка и его матери, дать ей возможность ощутить радость материнства и кормления, однако в то же время и стыд из-за того, что он «незаконно дал ей ребенка». Однако в полной мере понять трагедию любящей женщины, жаждущей воплощения своей любви в новом человеке, он не в силах, и чувствует замешательство по поводу возможности появления «частного ребенка» и неминуемой расправы над младенцем и О.

Подобно этому, чем-то архаичным, странным кажется ему и недоступное для него желание почувствовать свое родство с матерью, с которой он был бы связан не безличной иерархией государственной системы, а душевными и телесными узами, продолжением которой он мог бы себя считать [5, 137].

В обществе «дивного нового мира» Хаксли само понятие материнства становится чем-то «омерзительным» и «непристойным», деторождение – «мерзким и аморальным актом», а слово «мать» воспринимается как ругательство. Именно так, через призму внушенных норм и ценностей, воспринимает увиденное в резервации (к примеру, матерей, кормящих детей грудью) Линайна. Мысль о том, что вместе с утратой материнства теряется нечто ценное, важное, принадлежит не ей, а Бернарду, способному сомневаться в благотворности системы: «Я часто думаю: может быть, мы теряем что-то, не имея матери. И, возможно, ты теряешь что-то, лишаясь материнства. Вот представь, Линайна: ты сидишь там, кормишь свое родное дитя...» [6, 233].

Что касается романа Оруэлла, хотя формально в Океании и существует традиционная нуклеарная модель семьи, личностные и духовные связи между ее членами разрушены: например, всеобщим становится доноительство малолетних детей на собственных родителей [7, 337]. У Уинстона есть лишь смутные воспоминания о матери, которая, как он считает, принесла себя в жертву ради него, однако дальнейшей ее судьбы, как и судьбы сестры, он не знает [7, 340-341]. Его чувства и представления о материнстве – это неясные ощущения и переживания, оставшиеся из детства.

Если антиутопия Хаксли, к примеру, ставит во главу воспроизводства технократический принцип (будущие члены общества появляются на свет в Инкубатории), то в обществе Этвуд происходит своеобразное возвращение в мифологическое прошлое. Главную роль играет ветхозаветная история о бесплодной Рахили, которая принимает детей, рожденных ее мужем и служанкой Валлой, как своих собственных. Естественно, что чувства и переживания служанки, вынашивающей и рождающей потомство Иакова, остаются за пределами повествования в библейской истории.

«Рассказ Служанки» Этвуд в некотором смысле как раз и становится исповедью одной из таких Служанок, жертв тоталитарного режима, вынужденных не только лишиться детей, рожденных до установления Галаадского правления, но и снова переживать утрату, родив ребенка и не имея возможности его воспитывать.

В отличие от героев-мужчин, способных лишь опосредованно воспринимать боль лишения материнства, Фредова ощущает это как личную трагедию, которая уже произошла с ней однажды и должна неминуемо повториться в будущем.

История ее жизни до прихода тоталитарного режима прозаична и обычна, подобно многим другим судьбам: любовь к женатому мужчине, его развод, новый брак и рождение совместного ребенка. Однако именно факт развода позволяет чиновникам Галаада обвинить ее в преступлении против нравственности и на этом основании отобрать у нее горячо любимую дочь. Воспоминания о пятилетней дочери, по-видимому, оказавшейся в чужой семье, и свидения, в которых героиня снова и снова переживает неудачный побег из Галаада и расставание с девочкой, являются одними из самых эмоционально насыщенных эпизодов антиутопии. Фредова воспринимает это расставание как неизбежное и окончательное. Не случайно даже фотография, на которой запечатлена ее дочь в длинном белом платье, воспринимается ею скорее как свидетельство смерти, а не спасения: дочь похожа на «призрак мертвой девочки», навсегда оставшейся для Фредовой пятилетней.

В условиях нового режима Фредова, уже перенесшая потерю ребенка, в ее сознании равнозначную его гибели, вынуждена еще раз столкнуться с неизбежностью материнства ради спасения собственной жизни. На этот раз у нее нет даже надежды на возможное счастливое будущее: она – лишь «ходячая вагина», «матка», «контейнер» для вынашивания ребенка, которого она никогда не сможет назвать своим: ее тело, по словам Марлин Барр, становится «машиной для рождения, репродуктивной технологией, сотворенной из человеческой плоти» [8, 92]. Напоминания об этом преследуют ее постоянно: помимо самой «церемонии зачатия», это и не менее ужасающая картина родов, в процессе которых всех интересует только результат – рождение здорового ребенка, а сама служанка Уореннова, известная Фредовой под именем Джанин, оказывается словно посторонней участницей процесса. Как отмечает Мэри Дэвис, женщина не только лишается ребенка сразу после рождения, но и оказывается, по сути, исключенной из самого процесса родов теми, кто находится у власти [9, 51]. В ходе родов всячески подчеркивается особый характер ее материнства и то, что ребенок, согласно постановлениям режима, принадлежит не ей, а ее госпоже. При этом происходит

своеобразная «подмена ролей» – женщина, которой предстоит воспитывать ребенка, имитирует роды: «Они собрались в покоех по другую сторону лестницы, подбадривают Жену Командора, Жену Уоррена. Маленькая худенькая женщина в белой ночной рубашке, она лежит на полу, сидящие волосы плесенью расплзлись по ковру; Жены массируют ей крошечный животик, как будто она вот-вот родит сама» [4, 130]. Когда роды заканчиваются, именно Жену приветствуют как мать рожденного ребенка, а Служанка остается всеми забытой.

Заметим, что материнство является для Служанок желанным, поскольку оно служит залогом их дальнейшего относительного благополучия и, по крайней мере, жизни. Однако одновременно оно вызывает страх, и не только в силу неизбежного расставания с будущим ребенком: ведь даже успешное зачатие не гарантирует, что на свет не появится «Нечадо» – урод или мутант, клетки которого еще до рождения были отравлены радиацией и токсичными отходами. Именно поэтому так сострадательно сопровождают взглядами служанки процессию «эконожен», хоронящих в маленьком контейнере оказавшийся нежизнеспособным плод: «Первая – скорбящая, мать; она несет черную баночку. По размеру баночки можно понять, в каком возрасте он утонул внутри нее, захлебнулся. Два-три месяца, слишком маленький, не поймешь, Нечадо, или нет. Тех, кто постарше, и тех, кто умер при рождении, хоронят в ящиках. <...> Чувствует ли Гленова то же, что и я, – боль, точно удар в живот? Мы прижимаем ладони к сердцу, показываем этим незнакомым женщинам, что сопереживаем их горю» [4, 51].

Именно поэтому их так занимает судьба Джанин, чей ребенок также оказывается ненормальным: «Все ж таки в дезинтегратор пошел. Она про ребенка Джанин, про ребенка, что прошел по пути через Джанин неизвестно куда. О маленькой Анджеле. Это была ошибка – так рано давать ей имя. Под ложечкой больно. Не больно – пусто. Я хочу знать, что с ней было не так» [4, 241]. Даже чужая утрата воспринимается сопереживающей героиней как личная, собственная.

Превращаясь в принуждение и обязательство, материнство утрачивает органичность и перестает быть результатом естественного стремления воплотить свою любовь в новом человеке. Рождение ребенка для Служанки должно стать чисто телесным актом, своеобразным «актом лояльности» по отношению к правящему режиму. Однако даже усиленное перевоспитание в Красном Центре не способно лишить женщину возможности ощущать процессы, происходящие в собственном теле. Но естественный процесс, по словам Хелен Кэллвей, превращается в «культурную церемонию, в которой женщина становится анонимным и низким объектом» [10, 153].

Этвуд воспринимает материнство как сознательный шаг, предполагающий наличие у женщины свободы выбора. В таком ключе трактуется в романе и, безусловно, спорная и неоднозначная тема аборт: если для идеологов нового государства это равнозначно убийству, то Фредова воспринимает возможность для женщины самостоятельно принимать решение скорее как положительную сторону старой системы. Ее подруга Мойра, девушка нетрадиционной ориентации, отстаивает права на аборт в издательстве, занимающемся распространением соответствующей литературы среди женщин. О том, что Фредова была желанным ребенком, утверждает и ее мать, активная сторонница феминизма. Фредова сочувственно относится к врачам, которых казнят за совершение нелегальных аборт. Однако, как можно заключить из текста романа, одной из вероятных причин сокращения детородной части населения является, по-видимому, и распространенность аборт, нередко приводящая к бесплодию.

Роман Маргарет Этвуд привносит женское видение в богатую традицию антиутопического жанра, по-новому определяя его основной конфликт и особенности. Смещение акцентов с общественной жизни на частную и обращение к женским аспектам телесности позволяет автору по-своему решать исконную антиутопическую проблему – судьбу человеческого начала в мрачном мире будущего – в новом ключе, наполняя ее уникальными чертами. Судьба героини оказывается родственной судьбам женщин всех эпох и, шире, человечества в целом, а рассказ от первого лица позволяет автору фиксировать моменты интимных переживаний героини, полнее раскрыть ее внутреннее измерение и тем самым усилить гуманистический пафос антиутопии, одновременно обогащая роман в повествовательном плане и придавая ему особое художественное своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланин Б. Жизнь в антиутопии: государство или семья? / Б. Ланин // Общественные науки и современность. – №3, 1995. – С. 149–160.
2. Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? / Ю. Кагарлицкий. – М. : Художественная литература, 1974. – 349 с.
3. Stimpson C. R. Atwood Woman / C. R. Stimpson // Bloom's Guides: The Handmaid's Tale. – New York : Infobase Publishing, 2004. – P. 80–81.
4. Этвуд М. Рассказ Служанки / М. Этвуд. – М. : Эксмо, 2010. – 352 с.
5. Замятин Е. Мы / Е. Замятин // О дивный новый мир. – М. : АСТ, 2006. – С. 5–147.
6. Хаксли О. О дивный новый мир / О. Хаксли // О дивный новый мир. – М. : АСТ, 2006. – С. 149–317.
7. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл // О дивный новый мир. – М. : АСТ, 2006. – С. 319–538.

8. Barr M. S. Suzy McKee Charnass, Zoe Fairbairns, Katherine Marcuse, and Kate Wilhelm *Blur Genetic Conventions: Pregnancy and Power in Feminist Science Fiction* / M. S. Barr // *Lost in Space: Probing Feminist Science Fiction and Beyond*. – Chappel Hill: University of North Carolina Press, 1993. – P. 81-94.

9. Davis M. L. *Sexuality and Reproduction in Dystopian Fiction* / M.L.Davis. – Hamilton: McMaster University, 1995. – 87 p.

10. Callaway H. *The Most Essentially Female Function of All: Giving Birth* / H. Callaway // *Defining Females: The Nature of Women in Society*. – Oxford and Providence : Berg Publishers Limited, 1993. – P. 146–167.

Воронежский государственный университет
Жаркова Е. П., аспирант кафедры зарубежной литературы

Voronezh State University
Zharkova E. P., Post-graduate Student of the Foreign Literature Department